

„ИВАНОВЪ“

(драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Чехова).

Можно смѣло сказать, что ни одна пьеса изъ современнаго репертуара не произвела такой сенсаци. не возбудила столько толковъ и пересудовъ въ печати и въ публикѣ, какъ это первое драматическое произведение одного изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ беллетристовъ нашего времени А. Чехова, скромно озаглавленная самой распространеной на Руси фамиліей «Ивановъ». Весьма рѣдко также встрѣчалось, чтобы какая-либо пьеса, по ея исполненію, вызвала столь разнообразныя и прямо противорѣчивыя отзывы, какъ это произведение начинающаго драматурга. Въ столицѣ публика съ жадностью устремлялась на представленіе пьесы г. Чехова, билеты раскупались всегда заранее. Пьеса, очевидно, всѣхъ интересовала, а затѣмъ расходившіеся зрители не переставали о ней толковать, спорить, даже ругаться по поводу ея постановки. Иные ея превозносили, находя въ авторѣ могучій талантъ и проникательность, пониманіе сокровеннѣйшихъ движеній души человѣческой, другіе—бранили пьесу безпощадно, признавая ее скучной, лишенной всякихъ сценическихъ достоинствъ, наконецъ, даже безсодержательной, имѣвшей успѣхъ лишь благодаря художественной игрѣ г. Давыдова. Что такое Ивановъ, какой типъ желалъ въ немъ выставить авторъ, какую проводить идею въ пьесѣ—многіе совсѣмъ недоумѣвали. Тоже самое наблюдаемъ мы и теперь у насъ въ Кіевѣ послѣ бенефиснаго спектакля г. Давыдова. Прежде всего, слѣдовательно, несомнѣнно, что пьеса г. Чехова не есть какое-нибудь ординарное произведение, по шаблону пьесъ новѣйшей формаци. Она вызываетъ каждаго зрителя на размышленіе, она возбуждаетъ насъ, волнуетъ, о ней нельзя не говорить. Желая преподнести читателямъ строгій и безпристрастный разборъ этого произведенія, съ цѣлью, такъ сказать, урегулированія различныхъ мнѣній и взглядовъ на пьесу, я нахожу наиболѣе удобнымъ оставить въ сторонѣ всякіе отзывы о ней столичной прессы (къ которымъ я, признаться, не особенно прислушивался) и прослѣдить вмѣстѣ съ читателемъ за всѣмъ ходомъ пьесы съ точки зрѣнія интеллигентнаго зрителя, бывшаго въ спектаклѣ на бенефисъ г. Давыдова.—Первое дѣйствіе происходитъ въ мнѣніи Иванова, въ его саду возлѣ дома. Ивановъ Николай Алексѣевичъ—самый обыкновенный человѣкъ, небольшой землевладелецъ, дѣла котораго разстроены—занимаетъ мѣсто не премѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. У него жена—Анна Пет-

ровна, выкрещенная еврейка, урожденная Сарра Абрамсонъ, дочь богатыхъ родителей, беззавѣтно полюбившая Иванова, какъ прямаго, честнаго человѣка и бросившая для него семью и религію. Ивановъ самъ ее горячо любилъ, но вотъ уже годъ какъ охладѣлъ къ ней совершенно, скучаетъ въ ея присутствіи, тяготится ею и почти безъ всякаго вниманія относится къ ея болѣзни. Вообще Ивановъ, какимъ застаетъ его начало драмы—человѣкъ расшатанный, убитый разными неудачами, потерявшій всякую энергію и дошедшій до болѣзненной раздражительности. Его довели до этого состоянія самыя обидныя мелочи жизни и тупая, пошлая среда, его окружающая. Ему стало вдругъ все противно, скучно, ничто его не занимаетъ; оставаться дома онъ не можетъ, ищетъ чего-то новаго, самъ не зная чего, лишь-бы забыться, лишь-бы предаться какой-нибудь иллюзіи. Окружающая среда людей тупыхъ и пошлыхъ приписываетъ все это денежному разстройству, а охлажденіе къ женѣ тому обстоятельству, что Ивановъ не получилъ за нею ожидаемаго богатства. Читатель уже изъ этой характеристики положенія главнаго дѣйствующаго лица видѣть, что авторомъ затронутъ вполне жизненный вопросъ, правда, самый обидный, очень простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ играющій важную роль въ судьбѣ многихъ людей, которыхъ заѣдаетъ, такъ сказать, засасываетъ въ тину и заставляетъ гибнуть безвозвратно эта самая незатѣйливая проза жизни, пустота окружающей среды и всякія мелочи жизни, вродѣ какого-нибудь тяготящаго новаго ничтожнаго долга и такъ далѣе.

При поднятіи занавѣса Ивановъ (г. Давыдовъ) сидитъ за столомъ и читаетъ книгу. Къ нему подкрадывается Боркинъ, пьяный, съ охоты, и пугаетъ его, прицѣливаясь ружьемъ къ его лицу. Боркинъ (г. Свѣтловъ) дальній родственникъ Иванова—типъ уѣзднаго шелопая, пьяницы, способнаго по легкомыслію на всякую пакость, но человѣка не глупаго и не злобнаго по природѣ. Боркинъ пристаётъ къ Иванову съ разными шутками, раздражаетъ и бѣситъ его, требуя, между прочимъ, какъ управляющій мнѣніемъ, денегъ для уплаты рабочимъ (а денегъ у Иванова нѣтъ). Ивановъ не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. За симъ въ первомъ дѣйствіи всѣ окружающіе Иванова всячески отравляютъ ему жизнь. Отъ него требуетъ серьезнаго объясненія молодой врачъ, пользующій его жену, Львовъ (г. Роцинъ) по поводу его равнодушнаго отношенія къ умирающей женѣ, у которой обнаружилась чахотка. Его-же допекаетъ жалобами на свое мизерное существованіе въ качествѣ скучающаго нахлѣбника его дядя по матери,

раззорившийся граф Шабельский (г. Черновъ). Наконецъ, горячо любящая его жена Анна Петровна (г-жа Омута) коритъ его замѣченной съ его стороны холодностью, плачется и жалуется на гнетущую тоску, скуку. Отъ всего этого Ивановъ бѣжитъ,—онъ ѣдетъ къ другу Лебедеву, у котораго, между прочимъ, есть дочь Саша. Жена его удерживаетъ, но Ивановъ отговаривается тѣмъ, что у него есть дѣло—надо просить объ отсрочкѣ векселя, и, наконецъ, на пристававшую жену откровенно объясняетъ ей, что онъ самъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлается, что ему весь свѣтъ опротивѣлъ, а пуще всего свой домъ; по вечерамъ онъ положительно не можетъ въ немъ оставаться и чувствуетъ, что онъ ее, свою жену, «начинаетъ... не любить». Такъ онъ и уѣзжаетъ, захвативъ съ собою, по настоятельной просьбѣ, умирающаго отъ скуки дядю Шабельскаго. Жена въ отчаяніи не внемлетъ совѣтамъ доктора и спѣшитъ ѣхать за нимъ. Такъ заканчивается первый актъ, въ которомъ хотя завязывается нить драмы, но, во 1-хъ, совсемъ почти не раскрывается характеръ Иванова, который остается для зрителя какимъ-то вполне безцвѣтнымъ и неинтереснымъ субъектомъ, неизвѣстно почему хандрящимъ и киснувшимъ, а во 2-хъ, и все дѣйствіе лишено какого-либо драматизма, движенія. Всѣ говорятъ только о скукѣ, о тоскѣ и, должно быть, такъ естественно и правдиво скучаютъ, что самая скука и даже тоска переносятся непосредственно со сцены на зрителя. Актъ оканчивается—и положительно всѣ недовольны: ну, что это за пьеса? умереть со скуки? И что это за роль Иванова,—какая-то глухая, непонятная скорбь! Къ чему Давыдовъ взялъ эту роль? ничего въ ней нѣтъ интереснаго. Таковы отзывы громаднаго большинства зрителей. Иные пробуютъ возражать, доказывать, что, однако, все это очень правдиво, жизненно, что и въ жизни царитъ болѣею частью скука и что такое времяпрепровожденіе весьма обыденно. На это, однако, съ полной справедливостью можно возразить, что вѣдь не все то, что встрѣчается въ жизни и что вѣрно дѣйствительности, достойно воспроизведенія на сценѣ: наприимѣръ, въ жизни люди спятъ, проводятъ цѣлыя часы за картами и т. п., но на сценѣ, однако, вовсе не интересно было-бы изображать безъ всякихъ словъ въ теченіе цѣлаго акта храпъ уснувшихъ людей или молчаливую игру въ карты.—Второй актъ переноситъ зрителя въ домъ Лебедевыхъ. Тамъ интимный вечеръ въ честь Саши, дочери Лебедева. Здѣсь опять наборъ лицъ, гостей, не знающихъ какъ убить время, всѣ опять жалуется на скуку. Разговоръ ведется самый обыкновенный и, что называется, бесѣда идетъ черезъ пень-колоду.

Все это опять довольно правдиво, жизненно, но нисколько не интересно со сцены. Изъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ актѣ довольно слабо выясняется передъ зрителемъ симпатичная личность Лебедева (г. Соловцовъ), стараго пьяницы, человѣка честнаго, хорошихъ студенческихъ традицій, но подпавшаго подъ башмакъ жены Зинаиды Саввишны (Звѣрева), богатой старухи, скряги, отдающей деньги подъ проценты. Саша, дочь ея (г-жа Рыбчинская), пока ничего изъ себя не представляетъ. Она любитъ Иванова, но за что именно—сама не знаетъ. Тамъ-же, на вечерѣ, находится Бабакина, молодая вдова изъ купчихъ (г-жа Сивельникова),—вставная фигура, довольно карикатурная, на которой Боркинъ хочетъ женить Шабельскаго, такъ какъ она гонится за титуломъ. Въ этомъ дѣйствіи Саша въ небольшой бесѣдѣ съ Ивановымъ объясняется ему въ любви. Ивановъ, ничего почти не говорящій во весь актъ, осчастливленъ этимъ признаніемъ. Онъ въ восторгѣ спрашиваетъ ее: «Это что-же такое! Это значитъ начинать жизнь сначала? Шурочка, да?... Счастье мое! Моя молодость, моя свѣжесть»... Сцену эту подглядываетъ проникшая въ домъ Лебедевыхъ жена Иванова, и съ ней дѣлается обморокъ. Второе дѣйствіе опять таки не производитъ на зрителя никакого впечатлѣнія. И вотъ въ этихъ двухъ дѣйствіяхъ, по моему мнѣнію, заключаются главные, существенные недостатки пьесы—неумѣлость автора придать дѣйствію пьесы необходимую сценичность, интересъ и оживленіе, а также и растянутость совершенно неинтересныхъ разговоровъ между дѣйствующими лицами, а подчасъ и совершенно излишнія повторенія (какъ, наприимѣръ, въ безконечно повторяемомъ разсказѣ оруженъ изъ гостей исторію своей неудачной игры въ винтъ). За то третій актъ сразу охватываетъ зрителя и потрясаетъ его, заставляя вникнуть въ положеніе несчастнаго Иванова, заѣденнаго, такъ сказать, загрызаннаго всѣми этими мелочами жизни и доведеннаго до отчаяннаго положенія чуть-ли не неизлечимо больного человѣка, способнаго отъ малѣйшаго укола дойти до состоянія бешенства. Въ этомъ актѣ авторомъ обнаруженъ громадный талантъ психическаго анализа души человѣческой, состоянія воли и мысли человѣка, подавленнаго сложившимися обстоятельствами. Ивановъ убитъ, угнетенъ своимъ безсліемъ, сознаніемъ неблагоприятности своихъ поступковъ, низкой женѣ, необходимостью выпрашивать отсрочки векселямъ, униженнымъ положеніемъ человѣка, которому оказываютъ благодѣянія (жертва Лебедева своими послѣдними деньгами) и т. п., а тутъ его пьютъ и допекаютъ со всѣхъ сторонъ.

Постепенное развитие этого болѣзненного раздраженія мастерски проведено авторомъ въ этомъ дѣйствіи, а знаменитымъ нашимъ артистомъ Давыдовымъ исполнено съ такимъ поразительнымъ реализмомъ, такъ правдиво художественно, что зритель совершенно проникается положеніемъ Иванова, сразу понимаетъ его какъ человѣка близкаго многимъ изъ насъ и, забывая всѣ предыдущіе недостатки пьесы, приходитъ въ восторгъ отъ цѣлаго ряда глубоко прочувствованныхъ, психически вѣрныхъ и вполне жизненныхъ сценъ, которыя даютъ этотъ актъ. Таковы сцена объясненія съ докторомъ и, наконецъ, поразительная по своей реальности и драматизму сцена съ женой, которая укоряетъ его въ подлости, обманѣ и безчеловѣчности. Ивановъ безсиліемъ оправдаться передъ нею,—она все равно никакъ не пойметъ причины его поступковъ, его болѣзни,—онъ дрожитъ, онъ плачетъ, онъ задыхается отъ безсильной злобы, умоляетъ ее замолчать, не испытывать его терпѣнія,—а она продолжаетъ его казнить безпощадно, обзывая лжецомъ, негодяемъ. Ивановъ, задыхаясь, говоритъ ей: «Замолчи, замолчи-же, ради Бога!... Я за себя не ручаюсь. Меня душитъ гнѣвъ и я... я могу оскорбить тебя»... Она продолжаетъ свою отповѣдь. «Замолчи-же, Сарра, кричишь Ивановъ, а то у меня съ языка сорвется слово! Меня такъ и подмываетъ сказать тебѣ что-нибудь ужасное, оскорбительное»!... Наконецъ, онъ не въ силахъ себя преодолѣть и бросаетъ ей въ лицо это оскорбленіе: «замолчи, жидовка!...», а потомъ, захлебываясь отъ упоенія мстью и оскорбленіемъ, съ злорадствомъ сообщаетъ ей: «Такъ знай-же, что ты... скоро умрешь... Мнѣ докторъ сказалъ, что ты скоро умрешь»... Сцена эта производитъ неотразимое, потрясающее впечатлѣніе на зрителя,—она ужасна, тяжела,—но она художественно вѣрно написана, а въ исполненіи г. Давыдова представляетъ собою вершъ совершенства, до котораго можетъ дойти сценическое искусство. Послѣ этого акта зрители поняли Иванова, занялись его характеромъ, изученіемъ его положенія и постигли жизненность и правдивость пьесы. Очевиднымъ стало для всѣхъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь искуснымъ кронателемъ эффектныхъ и легко смотрящихся сценокъ, но съ сильнымъ талантомъ, могущимъ проникнуть въ самые сокровенные тайники души человѣческой и дать зрителю надлежащее художественное ихъ воспроизведеніе. Таково несомнѣнное достоинство драмы г. Чехова, хотя и обнаружившееся только съ этого акта. Въ послѣднемъ дѣйствіи Ивановъ окончательно выясняется передъ зрителемъ и мы уже вполне ему сочувствуемъ, види, какъ онъ накануне, какъ-бы умиравшейся ему новой

жизни, готовясь идти подъ вѣнецъ съ беззаветно полюбившей его дѣвушкой, умоляетъ ее отказаться отъ этого брака, съ полною откровенностью выставляя ей на видъ свое ничтожество, свое безсиліе, свою «гнусность», какъ онъ говоритъ. Вотъ эти слова, окончательно дополняющія психическій очеркъ всей личности Иванова... «Нѣтъ, ужъ я не ною! Издѣвательство! Да, я издѣваюсь. И если-бы можно было издѣваться надъ самимъ собою въ тысячу разъ сильнѣй и заставить хотѣть весь свѣтъ, то я-бы это сдѣлалъ! Вглянувшись на себя въ зеркало и въ моей совѣсти точно ядро лопнуло! Я надеялся надъ собой и отъ стыда едва не сошелъ съ ума. Меланхолическая! благородная тоска! безотчетная скорбь! Недостаетъ еще, чтобы я стихи писалъ... Нѣтъ, пѣть Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергія жизни утрачена навсегда, что я заржавѣлъ, отжилъ свое, что я поддался слабодушію и по уши увязъ въ этой гнусной меланхолической, сознавать это, когда солнце ярко свѣтитъ, когда даже муравей тащитъ свою ношу и доволенъ собой,—нѣтъ, слуга покорный! Видѣть, какъ одинъ считаетъ тебя за шарлатана, другіе сожалѣютъ, третьи протягиваютъ руку помощи, четвертые—что всего хуже—съ благоговѣніемъ прислушиваются къ твоимъ вздохамъ, глядятъ на тебя, какъ на втораго Магомета, и ждутъ, что вотъ-вотъ ты объявишь новую религію... нѣтъ, слава Богу, у меня есть еще гордость и совѣсть. Вѣхалъ я сюда, смѣялся надъ собой, и мнѣ казалось, что надо мною смѣются птицы, смѣются деревья»...

Да! въ этихъ словахъ жестокое, но правдивое признаніе, на которое не многіе изъ Ивановыхъ способны. И какъ произносили эти слова г. Давыдовъ!.. Какая нота дрожала въ его голосѣ, какое сильное, глубокое чувство онъ сумѣлъ вызвать въ душѣ зрителя!

Заканчивается пьеса весьма трагически: когда всѣ убѣждаютъ Иванова бросить свое разочарованіе и идти къ вѣнцу съ невестой,—въ домъ врывается докторъ Львовъ и, увидя Иванова, говоритъ: «А, вы идѣте? Николай Алексѣевичъ Ивановъ, объявляю во всеуслышаніе, что вы подлецъ!»... Ивановъ, не находя уже никакой силы въ себѣ для дальнѣйшей борьбы, мгновенно рѣшается на самоубійство и застрѣливается. Этотъ финалъ пьесы также вызываетъ на многія размышленія и толкованія, но я и такъ уже слишкомъ увлекся разборомъ пьесы г. Чехова, и это еще болѣе убѣждаетъ меня, что «Ивановъ»—такая пьеса, надъ которой можно задуматься.

И г л а.

Павел Арк.
Андреевский

привезенъ
Савиловымъ
въ Самару
Россіи